

ВЕРОЯТНОСТЬ РАВНА НУЛЮ

Научно-фантастический рассказ

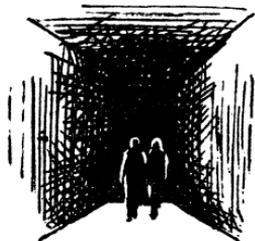

Рисунок В. НЕМУХИНА

«Кrab» не слушал команд — уходил торопливой иноходью, нелепо выворачивая в шарнирных суставах трубчатые ноги. Одним взмахом он взлетал на очередной бархан и стремительно скатывался с него, оставляя в песке глубокие борозды. Инстинкт самосохранения, вложенный в машину человеком, гнал ее прочь. В этом внезапном бегстве было что-то судорожное, чисто животное, пугающее.

Морев медлил. Только когда Воронка скрылась за холмами, не оборачиваясь, сказал Косте:

— Хватит. Сними напряжение с сектора СЗ.

— Эти кибернетики, кажется, перестарались, — проворчал Костя, щелкая переключателями, — превратили нашего «Краба» в пугливого зайца. Скоро он мышей станет бояться.

Федор промолчал. Кто-кто, а он знал, что «Краб» не включает сектор самозащиты без особой надобности. Он своими глазами видел, как на испытаниях машина полтора часа работала в озере горящей нефти. Когда ей дали команду выйти из огня, потенциал был только на реле осторожности. Это значит: она заботилась о собственной безопасности чуть больше человека, переходящего улицу, по которой никогда не ездят автомашины.

Нет, «Краб» не из трусливых. И если он так внезапно передал управление сектору СЗ, значит они вовремя ушли от большой опасности. Быть может, даже от гибели. Но от какой?

«Краб» остановился на вершине бархана. Отсюда открывался вид на типичный марсианский ландшафт. Он был хорошо знаком обоим по фильмам предыдущих экспедиций. По бурой плоской равнине беспорядочно расположилось стадо невысоких холмов, окаймленных понизу полоской густой тени. Куда ни глянь, до самого горизонта мертвая, равнодушная пустыня, и над ней фиолетовый купол неба. Только далеко на востоке, как символ всепроникающей жизни, в небо вонзилась тонкая игла их земного звездолета.

— Будем возвращаться?

Костя мог бы и не спрашивать. Он одиннадцать месяцев проработал с Моревым на Лунной трассе. Знал ответ заранее и все-таки спросил. Федор пожал плечами:

— Выкладывай.

— Это не марсиане, Федя.

— Кто? — не понял Морев.

— Ну, Воронка... Эти шары там, паника «Краба». Это не марсиане.

— Ага.

Пресловутое моревское «ага», над которым потешался весь космический флот, могло означать все что угодно. Но сейчас оно говорило об одном: Морев «перерабатывает информацию».

— Чушь! У вас, планетологов, во всем загадки.

«Заело», — подумал Костя, а вслух спросил:

— Ты знаком с отчетами Первой и Второй экспедиций?

— Помню наизусть! — Морев начинал сердиться.

— Следы цивилизации обнаружила только экспедиция профессора Зубкова...

— Ну да, развалины на Большом Сырте и в районе Лаокоонова узла...

— И определила их возраст в пятьдесят тысяч лет, — продолжил Костя. — Дал бы ты столько Воронке? А почему, по твоему, разведчики, излазившие планету вдоль и поперек, обнаружившие полузасыпанные развалины, не нашли Воронки? Ведь она не меньше километра в диаметре. Мы-то натолкнулись на нее уже на третьем витке.

— Ага. Почему?

— Потому что раньше ее не было. Ее создали совсем недавно. И не марсиане.

— Ясно. Специально к нашему прилету построили. Кто же это постарался? А?

— Тут уж, говоря языком твоего любимого Электронного Анализатора: «За недостатком данных на вопрос ответить не могу».

— Тогда едем за ними.

— За чем?

— За данными. Пусть они убедят тебя и твоих коллег планетологов, что вероятность встречи двух цивилизаций на братской могиле третьей равна нулю.

«Краб» только-только успел спуститься с бархана, когда из-за холмов, оттуда, где лежала Воронка, в небо взметнулся узкий черный луч. Тонкой нитью он рассек надвое скатывающееся к горизонту солнце и унесся в бездонные глубины Пространства. И сейчас же появились шары, призрачные, словно вылепленные из жидкого огня. Нанизанные на луч, они сперва медленно, потом все быстрее и быстрее скользили по нему и вдруг исчезли, растворившись в небе. Один, два, три...

— Локатор!

Костя бешено крутил рукоятки наводки антенны. Вот они! В верхнем левом углу экрана засветились три едва заметных пятнышка. С каждой секундой они становились все меньше, все слабей. Дрогнул и исчез луч. Через минуту экран был чист.

— Вот это скорость, — удивленно воскликнул Морев, — четыре пятых световой!

— Для цивилизации, исчезнувшей пятьдесят тысячелетий назад, несколько великовата.

— Включи СЗ и магнитную защиту. «Краб» не зря удирал от этой проклятой дырки.

...Воронка выглядела точно так же, как и полчаса назад. Гладкие, будто покрытые зеленоватым лаком, плиты сужающимися лентами сбегали глубоко вниз, туда, где плескались неясные серые тени. Из самого центра Воронки, как мачта затонувшего корабля, торчала ферма, сплетенная из какого-то серебристого материала. Ручейки красноватого песка медленно текли по ложбинкам, разделяющим плиты. Но светящихся шаров внизу не было.

— Вниз пойду я, — сказал Морев. — По праву старшего. Достань из-под сиденья мой ракетный пояс.

Стараясь не встречаться взглядом с Костей, Морев вышел на выдвижную площадку впереди кабины. Его длинная узкая тень упала на плиты, выстилающие стенки «дыры», и переломилась пополам. Застегивая ракетный пояс, Морев боковым зрением увидел, что тень его вдруг раздвоилась: одна половина осталась лежать, а другая встала и пошла к «Крабу». Еще не успев удивиться, Федор поднял голову. К машине по самому краю Воронки шел... человек в мягком скафандре и большом рогатом шлеме. В трех метрах от «Краба» он остановился и, подняв обе руки, помахал ими над головой.

Морев мягко спрыгнул на песок и пошел навстречу человеку.

Чеа была обречена. Чеа умирала на глазах шести миллиардов своих детей. От полюса и до полюса над планетой плясало голубое пламя смерти. И тогда Большой Совет принял решение...

Морев поправил сползший на лоб обруч транспереводчика. Мысль Ула «завучала» громче. Но ощущение нереальности не проходило. Казалось, кашляни он сейчас, спугни настороженную тишину — и все исчезнет: и Ул, не раскрывая рта рассказывающий о гибели своей планеты, и Костя, и этот громадный подземный купол со странно мерцающими сводами. Морев скосил глаза на сидящего рядом Костю.

Кости не было. Собственно, он был, он сидел, откинувшись на спинку кресла, придерживая руками лежащий на коленях шлем. Но это была только оболочка. Костя ушел на пятьдесят тысяч лет назад и заблудился во времени. Он смотрел на горящее небо Чеа, и душа его сжималась от тревожного чувства неизбежности.

— ...И тогда Большой Совет принял решение. Оно было коротким и окончательным, как все решения Совета. Только три пункта. Первый — уйти под землю.

Костя-марсианин мысленно строил подземный город. Миллионы людей, тысячи «умных» машин, вгрызаясь в недра Чеа, прокладывали тоннели-переходы, жилые помещения, хранилища, склады. Строили заводы по извлечению кислорода из окислов минералов. Строили фабрики синтетической пищи. Ревели компрессоры, сжимающие редущую атмосферу, грохотали подземные взрывы, били о камень стальные руки машин. Над планетой царствовало только одно слово: быстрее! Цивилизация боролась за жизнь, поминутно оглядываясь на пылающее в аннигиляции небо...

Ул продолжал:

— Второй пункт гласил: «Если облако антигаза, пересекающее орбиту Чеа, полностью уничтожит атмосферу и жизнь на ней станет невозможной, отправить отборный отряд на Голубую планету. Оставшееся население подвергнуть трансформации».

«На Голубую планету?»

Костя не спросил, он только подумал. Но Ул сразу же ответил:

— Да. Это далеко. Три тысячи анг. Я покажу вам по звездной карте.

— Но ведь в солнечной системе...

— Нет. Та, которую вы зовете Венерой, слишком горяча. Фазтон погиб. А ваша Земля... Трижды наши корабли посещали этот чудесный остров жизни. Совет отклонил предложение Академии инженеров колонизировать Землю. Мы не имели права, у нее уже был хозяин. Ученые не ошиблись. Я расскажу им о нашей встрече.

Второй пункт решения Большого Совета вступил в действие раньше, чем предполагалось. Чеа задыхалась. Запасов кислорода не хватало. Атака антигаза продолжалась. Он шел волнами. И каждая волна «слизывала» часть атмосферы. Атомы антигаза мириадами маленьких бомб врывались в атмосферу, выжигая ее. И когда облако, наконец, ушло, Чеа уже была безжизненной пустыней. Жизнь, загнанная под землю, стояла на пороге агонии.

У нас было только триста больших звездолетов. Все, что мы успели построить. Они могли взять почти сто тысяч человек. Но ведь отборному отряду нужны были машины, роботы, инструменты. И Совет сократил отряд до двадцати тысяч. В него вошли ученые, инженеры, врачи — двадцать тысяч, взваливших на свои плечи судьбу миллиардов.

Корабли стартовали в течение десяти дней. Я ушел на двенадцатом, вместе с группой энергетиков...

— А те, что остались, они... — Морев не мог сразу подобрать слово, — они все... погибли?

Воображение разворачивало страшные картины. Последний звездолет тонет в фиолетовой бездне неба, и на планете наступает оцепенение. Все. Конец. Вместе с тишиной в подземные города вползает ужас. Миллиарды маленьких ужасов сливаются в один, громадный и черный, как ночь. Многоголосый и слепой, он стонет и ворочается в катакомбах Чеа, в городах-могилах...

Ул непонимающе поглядел на Мореву.

— Вы спрашиваете об оставшихся? Они здесь, — и сделал неопределенный жест, — я покажу.

Коридоры казались бесконечными. Они то сплетались, образуя гигантские площади, то раздвигались, разбегались в разные стороны. Впереди зажигались огни и гасли за спиной, едва люди проходили мимо. А на смену им вспыхивали новые. В одном из гулких залов-площадей Ул остановился и показал на стену: — Здесь.

Он провел по стене рукой, и она засветилась холодным люминесцентным светом, стала почти прозрачной и вдруг исчезла совсем. Открылось громадное помещение, облицованное темным металлом. Вдоль стен и посередине него тянулись многоярусные стеллажи, забитые доверху отливающими серебром коробочками.

— Вот, — сказал-радирировал Ул, — здесь полмиллиарда. Мы отправим их завтра. Первая партия будет на Голубой через семь оборотов Чеа.

— Прах, — тихо сказал Костя, — цивилизация, ставшая пылью.

— Нет, не пыль, — возразил Ул. — Мы довели уровень трансформации до возможности получения кристаллических структур. Так надежней. Да, надежней и легче вернуть человека в исходное состояние.

Космонавты ошалело глядели друг на друга. Ул как-то странно сузил глаза и впервые со времени встречи приоткрыл рот. Он улыбался: земляне удивлены, они ничего не поняли.

— «Остальное население трансформировать» — так гласил второй пункт решения Совета. В тех условиях это был единственный выход. Они ведь не могли ждать так долго.

— Так, значит, они живы! — у Моревы бешено колотилось сердце. — И эти ваши шары из Воронки?..

— Да, — передал обруч-переводчик мысленный ответ Ула. — За девять лет отборный отряд подготовил Голубую к приему чеанцев. Все шесть миллиардов. Мы здесь, чтобы выполнить третий пункт решения: «Произвести полную эвакуацию». Шары — это новый энергетический метод преодоления Пространства. Он разработан нашими учеными уже на Голубой.

Стена стала тускнеть и погасла. Комната, хранящая сотни миллионов законсервированных жизней, погрузилась в темноту. Людей снова принял гулкий лабиринт коридоров, сторожащих пятидесятитысячелетний сон людей-кристаллов.

Трехногий робот, дежурящий у лифта, откинул стальную дверь-люк, и солнце ударило в глаза нестерпимым светом. «Краб» сиротливо стоял на краю Воронки, растопырив трубчатые ноги. Песок ручейками стекал по ложбинкам между плит. В глубине Воронки плескались неясные серые тени.

— Но как вы один справитесь с такой громадной работой? — спросил Костя.

— Нас десять. Товарищи работают в других хранилищах. Мы придем к вам завтра, чтобы узнать о жизни Земли.

Ул поднял обе руки над головой.

«Краб» медленно развернулся и побрел на восток.

— Мне неясно только одно, — как бы про себя сказал Морев, — пятьдесят тысяч лет, а Улу не больше пятидесяти, по-нашему... Как же, значит, далеко Голубая и с какой страшной скоростью они перемещаются, если эффект времени так велик!

— Надо было спросить о корабле, — отозвался Костя.

— У них нет корабля.

— То есть?

— Они вернулись так, как отправляют эти кристаллы. Шарами.

«Краб» прибавил шаг. Солнце садилось. Тонколистая трава, кустики которой редкими серыми пятнами лепились на склонах барханов, стала сворачиваться, съеживаться в комки. Леденящее дыхание притаившейся за горизонтом ночи обжигало.

Они были не дальше чем в двух километрах от ракеты, когда в наушниках раздался голос Раева:

— Морев, Славин, почему не отвечаете? Срочно возвращайтесь на корабль. Получена радиограмма с «Мечты-5». Она прибывает завтра. Вы слышите меня?

— Слышим, — сказал Морев. — Не волнуйся.

— Где вы пропадали?

— Были в гостях у марсиан.

— Глупые шутки. Вероятность существования марсиан...

— Знаем, — весело перебил Костя, — равна нулю.

— Вот именно.

